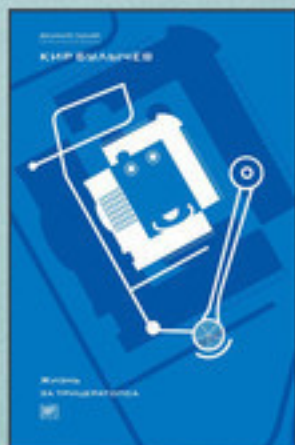

Кир Булычев

Жертва вторжения

*Часть сборника
Жизнь за трицератопса
(сборник)*

Гусляр

Кир Булычев

Жертва вторжения

«WebKniga»

2002

Булычев К.

Жертва вторжения / К. Булычев — «WebKniga»,
2002 — (Гусляр)

«Порой мне представляется, что ты, читатель, уже знаком со всеми обитателями города Великий Гусляр, хотя этого быть не может. Там живет несколько тысяч различных людей, и даже в ЗАГСе нет ветерана, который всех бы упомянул. Другое дело – обыденное существование. Сколько раз нам приходилось слышать: „Да меня там любая собака знает!“ Либо: „Да я там любую собаку знаю!“...»

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Кир Булычев

Жертва вторжения

1

Порой мне представляется, что ты, читатель, уже знаком со всеми обитателями города Великий Гусляр, хотя этого быть не может. Там живет несколько тысяч различных людей, и даже в ЗАГСе нет ветерана, который всех бы упомянул. Другое дело – обыденное существование. Сколько раз нам приходилось слышать: «Да меня там любая собака знает!» Либо: «Да я там любую собаку знаю!»

Это элементарное преувеличение. Просто человек обычно идет на службу или в школу по одной и той же дороге, встречает на ней одних и тех же соседей и сослуживцев, да и на службе ему показывают те же самые лица. Вот ему и кажется, что он каждую собаку знает.

Хотя, что касается Лукерьи Маратовны, оснований для подобного заявления у нее было больше, чем у иных. Она была сестрой по уходу. Ставила банки, делала уколы, наблюдала завершение жизни достойных людей и просто граждан. Ей приходилось принимать последний вздох, а раза три – и первый, если роженица опорожнялась, не добравшись до роддома.

Лукерья Маратовна – женщина средних лет, склонная к полноте, но именно склонная, не более. То есть многим мужчинам хочется ущипнуть ее за выпуклости. Но лицо ее не является предметом красоты – обыкновенное лицо с полными розовыми щеками, небольшим пухлым ртом, крутым подбородком, а глаза у нее небольшие, карие и настойчивые.

Лукерья Маратовна недовольна своим именем-отчеством, потому что она – жертва эпохи. Дедушка ее был членом партии ворошиловского призыва. Когда жена родила ему первенца, он как раз изучал в сети партпросвещения трагическую гибель трибуна Французской революции прогрессивного журналиста Марата, которого увидела в ванной одна аристократка, и это зрелище так повлияло на ее неуравновешенную психику, что она выхватила кинжал (аристократки редко ходят без кинжалов) и вонзила в Марата, отчего он умер. Папа Лукерьи получил имя французского журналиста, а Лукерье теперь никуда не деться от такого отчества.

Имя Лукерье тоже не нравилось. Но оно явилось следствием папиного разочарования в дедушкиных идеалах и его стремления вернуться к народу. Вернулся он к нему через доченьку Лушку.

Лукерью в школе дразнили, в детском саду дразнили, в медучилище дразнили, и даже будущий муж Ромочка – гвоздь ему в поясницу! – так умел произнести это имя, что хотелось под землю провалиться.

Теперь же, по прошествии двадцати лет брака, этот самый муж Ромочка, хоть и сохранил видимость сорокалетнего мужика, стал внутри совершенным пустотелом. Ни желаний, ни стремлений, а уж о мужских достоинствах давайте не будем говорить.

Он пребывал на небольшом чиновничьем месте, что-то куда-то перекладывал. Ему даже взятки не давали, потому что он был бессилен не только поспособствовать, но и помешать.

Лукерья трудилась – и уколы делала, и по домам ходила, и массажировала, только иголки втыкать не научилась – пальцы на концах толстоваты.

К тому же Ромочка любил посидеть в пивной, балакая с такими же, как он, недоделками, все больше о футболе и иногда о политике, если надо было конструктивно покритиковать евреев или американских империалистов, которые чуть что – сразу бомбить! Мы бы и сами рады, да не всегда выходит.

Лукерья пробовала завести любовника, ей удавалось это на раз, если на загородном пикнике или дачной вылазке, но ничего постоянного. И сама не красавица, а вокруг слишком

много знакомых, огласки, шума, сплетен. К этому она была не готова. И у Лукерьи была мечта – найти любовника постоянного, с мужскими достоинствами, одинокого, с квартирой и нуждающегося в каких-нибудь не очень серьезных уколах каждый день. Она бы ему и постирать могла, и погладить, и приготовить чего-нибудь вкусенького, как мама учила. Но нет в Гусяре такого идеала!

А жизнь пробегала мимо, не останавливаясь.

И злость брала, потому что у других женщин были и любовь, и волнения, и измены – настоящая жизнь, а не существование.

Так все тянулось до того октябрьского дня, когда Лукерья Маратовна была с визитом у Березкиных.

Помирал Матвей Тимофеевич, человек еще не старый, но настолько отягощенный болезнями, что сам удивлялся – другие так долго не живут!

Родным, хоть и немногочисленным и не очень близким, его умирание уже надоело – они все пытались столкнуть старика в больницу, но больница уже подержала его раза два и теперь вернула, потому что на таких умирающих хроников палат не напасешься.

Лукерья была в комнате одна.

Сделала укол.

Потом Матвей Тимофеевич сказал:

– Не помогут твои иголки, Луша. Конец мой приближается.

– Поживешь еще, – равнодушно ответила Лукерья и стала собирать свой чемоданчик.

Тут по комнате прошел незнакомый человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.